

St. Petersburg Centre for Oriental Studies

Центр "Петербургское Востоковедение"

聖彼得堡東方學中心

**ТОЧНОСТЬ -
ПОЭЗИЯ НАУКИ**

**Памяти
Виктора Васильевича Петрова**

Сборник статей

**Центр
"Петербургское Востоковедение"**

**Санкт-Петербург
1992**

**УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН
К ИЗБРАННЫМ ТРУДАМ В.М.АЛЕКСЕЕВА
ПО ИСТОРИИ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ***

В.В.Петров

Вообразим себе синологию как огромное целинное поле - увы, еще целинное! Синология сделала немало, но еще многие поколения синологов будет ждать неразработанная целина. Каждый китаист оставляет на этом поле борозду, но, к сожалению, мы часто являемся свидетелями того, как быстро зарастают многие борозды, потому что вспашка оказалась неглубокой, борозда осталась невозделанной, не оплодотворенной семенами животворящих идей.

А вот Алексеев распахал на необъятной ниве синологии широкий мощный клин, и это - настоящая глубокая вспашка: клин старательно и с любовью обработан, прополот от сорняков экзотики и дилетантизма, а потому и дает сильные и устойчивые всходы в нашей китаистике, например, в изучении китайской литературы.

То, что я осмеливаюсь предложить вниманию собравшихся, не есть доклад или научное сообщение в строгом значении этих терминов. Это не более, чем заметки, не связанные жанровыми рамками, один из вариантов "цзагань", излагаемый в акынской манере. Конечно, это акынство современное, подразумевающее и у вещающего, и у слушающих наличие определенного общеобразовательного синологического ценза.

Сама предложенная тема, вероятно, вызывает законное недоумение. В докладах и сообщениях принято ставить и решать научные проблемы. И вдруг... указатель имен. Надо ли? Есть ли в этом смысл? Тем более, что в данной аудитории нет, видимо, необходимости доказывать важность указателей к научным книгам. Я и не собираюсь говорить об этом, как не буду говорить и о

* Доклад на совместном заседании кафедры китайской филологии и китайского кабинета ЛО ИВ АН 14 января 1976 г.

научных принципах составления данного указателя или указателей вообще. Но я хочу поговорить о своего рода эмоциональном воздействии этого конкретного указателя к будущей книге моего учителя, котор-я, смею вас заверить, будет книгой совершенно замечательной...

В указателе оказались сведенными вместе люди, жившие в разные, сильно отдаленные друг от друга эпохи, люди разного рода занятий, разновеликих талантов, люди, представляющие разные народы и разные культурные регионы: от мифической прародительницы китайцев Нюй-ва до полузабытых ныне английских адмиралов времен Семилетней войны, от блистательного Ван Си-чжи, жившего в IV веке, до прославившего китайское живописное искусство XX века Сюй Бэй-хуна, от Лао-цзы до нашей современницы, ленинградской писательницы Э.Л.Линецкой, от легендарного героя-мстителя Цзин Кэ, покушавшегося на жизнь тирана Цинь Ши-хуана, до присутствующего здесь Л.Н.Меньшикова, вводящего нас в мир Дуньхуана и Хара-Хото. Указатель позволяет великому мыслителю древности, учителю жизни на протяжении столетий Конфуцию встретиться с современным писателем Линь Юй-таном, пишущим по-английски лучше, чем по-китайски, танскому монаху, каллиграфу и поэту Хуай-су - с переводчиком русской классической литературы Цюй Цю-бо, французскому синологу Эдуарду Шаванну с Львом Толстым, прославленному ханьскому полководцу Хо Цюй-бину - с японским вельможей, всесильным графом Ито Хиробуми, русскому ученому-филологу Льву Владимировичу Щербе - с основоположником тунчэнской литературной школы Фан Бао... На страницах указателя нас ждут совершенно неожиданные встречи. Встретить Су Ши или Юань Мэя, Лу Ю или Цзи Кана, Сюнь-цзы или Чжу Си, Джайлза или Куврера - это естественно: указатель приложен к книге по истории китайской литературы. Зная круг тем, над которыми работал Алексеев, нетрудно догадаться, почему в нем оказались Буало и Гораций, но почему попали сюда Брюнетьер, Введенский, Кеппель, Савченко? Кто это такие? В книге находим ответы и объяснения.

Фердинанд Брюнетьер - французский критик второй половины XIX в., его цитирует Алексеев. Иринарх Введенский - переводчик Диккенса, упоминается в связи с "невероятным произволом его переводов". Август Кеппель - участник Семилетней войны. Почему он здесь? А потому, что Алексеев цитирует первую песнь Бюроновского "Дон-Жуана". Федор Савченко - управдом дома N 2 по 7-ой линии Васильевского острова в Ленинграде - отправил летом 1943 г. в Боровое, где находился в эвакуации Василий Михайлович, заранее приготовленную посылку с книгами, необходимыми для работы над переводом китайских антологий.

Мы перелистываем указатель и видим Горация рядом с Горьким, Лозинского - с Ло Бинь-ваном, Пушкина - с Пу Сун-лином, Чуковского с - Чу Суй-ляном, Ювенала - с Юань Чжэ, Думана - с Ду Фу, Штукина - с Шунем, Куинджи - с Кун Ань-го, Жуковского - с Жуань Цзи... Мы не удивляемся. Право, что тут удивительного? Обычный указатель - колонки имен, расположенных в обязательном алфавитном порядке, чем и объясняются эти странные соседства. Против одних имен много цифр, против других - всего одна. Вот, собственно, и все, указатель как указатель. Мы не удивляемся. А ведь тут есть чему удивиться! Если мы чуточку, совсем слегка, подстегнем наше воображение, перед нами возникнет огромный мир китайской культуры, многими - прямыми или сложными - опосредованными путями связанный с культурой других народов. Чуточку воображения, и наша память воскресит образы поэтов и ученых, полководцев и монархов, художников и философов. Перелистав указатель, мы перелистаем страницы истории. Вот это-то и послужило поводом для моих сегодняшних заметок. Указатель не просто служит путеводителем по книге, но, помимо нашей воли, стимулирует работу памяти, воображения. Каждое имя незамедлительно вызывает у нас ассоциации, каждое имя - это сигнал, идущий в тайники нашей памяти и извлекающий из них реальное знание. Ван Си-чжи - вспоминаем знаменитое поэтическое содружество Орхидеевой беседки, вспоминаем и Чжэцзян, район нынешнего Шаосина... Сюй Бэй-хун - вспоминаем Францию, где он учился

живописи, вспоминаем его коней, его ранние этюды, дружбу с Тагором, выставку в Эрмитаже. Л.В.Щерба - вспоминаем его словарь, фонетическую лабораторию, созданную им в университете, его "Опыт общей теории лексикографии"...

Как и следовало ожидать, китайские имена в указателе преобладают: из 1048 имен - китайских 837, в том числе 446 основных и 389 отсылочных. Таким образом, в работах Алексеева по тому или иному поводу упоминаются 446 китайцев. Приведу небольшой перечень, чтобы вы могли представить себе всю широту охвата китайской культуры и китайской истории, присущую Алексееву: философ Ван Ян-мин, буддийский монах Цзяо-жань, мудрый советник Чжугэ Лян, император Гао-цзу, императрица У Цзэ-тянь, евнух Ли Лин-фу, мятежный генерал Ань Лу-шань, переводчик русской литературы Гэн Куан, царский шут Ю Мэн, фаворитка Ян Гуй-фэй, ученый Ли Ши-чжэнь, комментатор Фан Тин-гуй и т.д., и т.д.

Основную массу составляют люди, имевшие отношение к китайской литературе, занимавшиеся литературным трудом. Здесь представители многих родов и жанров классической китайской литературы: теоретик Лю Се, автор прославленного трактата "Вэнь синь дяо лун", критик поэзии Чжун Жун, составивший "Категории стихов", автор сборника фантастических новелл Гань Бао, поэты... - в одном только письме Сун Ляня, переведенном Алексеевым, упомянуты 104 поэта! Начиная от Су У и Ли Лина и кончая сунскими корифеями - Фань Чэн-да и Лу Ю.

Среди сотен имен некоторые встречаются особенно часто. Это, прежде всего, Лу Цзи, Ляо Чжай, Сыкун Ту и Су Сюнь - их произведения исследовал Алексей. Но это и Ли Бо, Ду Фу, Су Шу, Тао Юань-мин, Сыма Цянь, Хань Юй... Каждое имя - сигнал к нашей памяти, но время доклада ограничено, придется довольствоваться одним лишь примером. В указателе находим имя Хуан Тин-цзяня, оно упоминается неоднократно - Василий Михайлович любил этого великого поэта и каллиграфа, и в его коллекции эстампажей есть тексты Хуан Тин-цзяня, среди них и приводимое в книге в русском переводе Алексеева стихотворение

Ветер в соснах" - "Сун фэн гэ". Позвольте напомнить первые его строки:

Дом свой поставил я, идя по горке:
и вижу речную гладь.
Ночь на исходе... Стрелец с Меркой-Доу
вонзились в стропила его.
Только пришел я, как дал ему имя:
и смысл так подходит к нему!
Старые сосны стоят величаво
по несколько сотен годов...

Особое место занимают в указателе, а следовательно, и в книге, выдающиеся мыслители дневного Китая - Конфуций, Мэн-цы, Лао-цзы, Чжуан-цзы, Чэн-цзы, сунские Чэн Хао и Чжу Си. Это понятно, т.к. в книгу входит перевод первых трех глав "Лунь-цзи", сопровождаемый переводом традиционных комментариев к нему по изданию Чжу Си. К тому же, без знания древнекитайских мыслителей оказался бы невозможным сколько-нибудь серьезный разговор о любой сфере классической китайской культуры.

Есть специфические группы китайских имен. Вот один такой ряд: Ван Си-чжи, Ван Сянь-чжи, Оуян Сюнь, Хуай-су, Цай Юн, Чу Суй-лян, Чжун Ю, Шань Цин, Ма Дэ-чжао, Юй Ши-нань, Янь Чжэнь-цин... Каждое имя в этом ряду - эпоха в истории китайской каллиграфии - искусства, которое открывает тайны китайской национальной культуры, знание которого вводит нас в самые тайны, означает посвящение в тайны этой культуры.

Не оставлен без внимания Алексей и современный ему Китай. Мы встречаем имена Гу Хун-мина, писателя Чжоу Цзо-жэня, переводчиков русской классической литературы на китайский язык Ань Шоу-и, Цюй Цю-бо, Гэн Куана, Шэнь Ина, историка китайской литературы Чжэн Чжэнь-до, редактора "Сяошо юэбао" Юн Тэ-цяо, писателя и ученого Лян Ци-чао.

Наряду с китайскими именами в указателе фигурируют 200 имен европейских, среди них - 78 русских. В поисках аналогий и

примеров Алексеев обращался к истории русской литературы, и мы находим в указателе имена Бальмонта, Белого, Герцена, Горького, Гумилева, Брюсова, Даля, Достоевского, Жуковского, Куприна, Лермонтова, Маяковского, Писемского, Пушкина, Сологуба, Станюковича, Телешова, Толстого, Тургенева, Тютчева, Чехова... Столь же широко приводится и западноевропейская литература: Байрон, Боккаччо, Брюнетьер, Буало, Гете, Гофман, Данте, Диккенс, Золя, Кампанелла, Киплинг, Малларме, Мопассан, По, Рабле, Свифт, Скотт, Тассо, Флобер, Шекспир, Шелли, Шиллер, Шоу, Эразм Роттердамский... Значительное место занимают и античные имена: Амфилох, Архилох, Вергилий, Гесиод, Гомер, Гораций, Тит Ливий, Мессала, Овидий, Сократ, Феокрит, Цетег, Цецилий Стаций, Цицерон, Ювенал...

Нашлось место в указателе и для композиторов – Бетховен, Моцарт, и для художников – Куинджи, Левитан, Репин.

И конечно же, в указателе представлены имена синологов. Среди европейских явное предпочтение отдается французам: Шаванн, Пеллио, Масперо, Кордые, Куврёр, Гране, Жюльен, Эрве де Сен-Дени, Маргулиес, Базен... За каждым именем встают их труды, переводы, открытия, книги. Рядом с французами – англичане, немцы, американцы, европеизированные китайцы, японцы.

Само собой разумеется, что в указателе присутствуют и имена российских ученых, синологов и не-синологов: В.П.Васильев, Кафаров, Петров, Думан, Бичурин, Меньшиков, Эйдлин, Крачковский, Покровский, Жебелев, Ольденбург, Щерба...

Общий вывод:

Знакомство с указателем, а следом – знакомство с самой книгой В.М.Алексеева лишний раз подтверждают то, что мы знали а priori: Василий Михайлович обладал огромной синологической и общекультурной эрудицией, обладал колоссальными знаниями в истории мировой культуры. Эти знания были поставлены на службу, подчинены глубокому постижению китайской культуры, выявлению как ее специфики, так и присущих ей общечеловеческих начал.

И нам сегодня остается лишь смиренно преклониться перед огромными знаниями, глубокими идеями и меткими наблюдениями выдающегося ученого-эрудита.